

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Даниловская А.В. — Становление и развитие уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 12. – С. 55 - 74. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.12.69411 EDN: DSJSJG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69411

Становление и развитие уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию

Даниловская Анна Владимировна

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданского права и гражданского процессуального права, Тихоокеанский государственный университет

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, оф. 417

✉ d_a_v@list.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.12.69411

EDN:

DSJSJG

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2023

Дата публикации:

24-12-2023

Аннотация: Предметом исследования являются правовые основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции в их историческом развитии, а именно источники российского законодательства XVIII-XXI веков, содержащие основания уголовной ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию, правовые акты, регулирующие конкурентные отношения, а также научные исследования ученых XIX-XXI веков, включая диссертации, научные публикации по аспектам правового регулирования конкурентных отношений, привлечения к уголовной ответственности за посягательства на них. Цель работы заключается в выявлении исторически обусловленного отношения российского государства к посягательствам на добросовестную конкуренцию, их криминализации,

пенализации и дифференциации ответственности за их совершение, систематизации преступлений против добросовестной конкуренции, а также в изучении законодательной техники, применяемой при формулировании уголовно-правовых запретов. Основным методом исследования стал исторический метод, который позволил изучить генезис отечественного уголовного законодательства, предусматривавшего ответственность за посягательства на добросовестную конкуренцию. Были использованы также логический, сравнительный метод, метод системного анализа, классификации. Основным результатом работы является вывод о полезности учета отечественного законодательного опыта при определении критериев криминализации деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, систематизации преступлений против добросовестной конкуренции, способов и приемов формулирования уголовно-правовых запретов на их совершение. Новизна исследования заключается в том, что проведенный анализ отечественного законодательства может помочь в обосновании и принятии решений, имеющих уголовно-правовое и уголовно-политическое значение в отношении понимания системы преступлений против добросовестной конкуренции, криминализации общественно опасных деяний, направленных против добросовестной конкуренции, их пенализации, дифференциации ответственности за их совершение, применения действующего уголовного законодательства и их совершенствования. Полученные выводы могут быть особенно полезны в законодательной и научной деятельности, а также в сфере образования.

Ключевые слова:

уголовно-правовая политика, конкурентная политика, картель, недобросовестная конкуренция, преступление против конкуренции, Уголовное уложение, уголовная ответственность, нарушения на торгах, охрана конкуренции, ограничивающие конкуренцию соглашения

Одним из актуальных направлений уголовно-правовой политики России является правотворческая и правоприменительная деятельность государства в сфере охраны добросовестной конкуренции, предопределенная указами Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», согласно которым элементами национальной и экономической безопасности страны признано противодействие монополистической деятельности и антиконкурентным соглашениям. В связи с тем, что современная уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны конкуренции возникла не так давно, а именно с формированием в стране рыночной экономики, важное значение представляет ретроспективный анализ процесса ее становления и развития в более ранний период, ибо первые признаки государственной политики в сфере охраны общественных отношений от различного рода злоупотреблений со стороны предпринимателей с целью ограничения конкуренции между собой отмечаются в довольно ранних источниках русского права. Такой исторический экскурс может быть полезным в целях понимания не только возможных уголовно-правовых мер противодействия обозначенным нарушениям антимонопольного законодательства, представляющим угрозу национальной безопасности страны, но и иным посягательствам на конкуренцию, обоснования их криминализации, пенализации, дифференциации ответственности, а также исследования особенностей законодательной техники формулирования уголовно-правовых запретов.

В исследованиях российского антимонопольного права отмечается, что ограничительные меры в отношении коммерсантов (купцов, торговцев) применялись в эпоху Древней Руси в связи с распространением случаев, говоря современным языком, злоупотребления доминирующим положением, в результате которого возникал дефицит соли и иных товаров. В XVII в. в результате обострения конкурентной борьбы между иностранными и русскими торговцами в России появились правовые акты, запретившие отдельные виды монополистических спекулятивных злоупотреблений и установившие систему противодействия им, включая санкции за нарушение запретов. К таковым относят, например, Наказ «О сборе померных пошлин» 1681 г., который запретил монополистические действия, включая соглашения; Боярский приговор «О нечинении перекупа привозимых на рынки крестьянами припасов» 1694 г., направленный не только против собственно дороговизны от монополизации, но и на защиту потребителей и добросовестных производителей и торговцев, а также возложивший функции антимонопольного контроля на ряд органов [\[1, с. 22-34.\]](#).

Время правления Петра I характеризуется принятием правовых актов, которые, помимо того, что определяли меры наказания за монополистические действия, связанные с повышением цен на продовольственные и некоторые иные жизненно важные товары, вводили новые конкурентные институты. К первым относились, например, Сенатский указ от 14 января 1725 г. «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестным жителям припасов и продуктов», наказанием за нарушение положений которого была конфискация имущества, а за наиболее дерзкие злоупотребления предполагалось битье плетью [\[1, с. 34\]](#); ко вторым – Указ, принятый в декабре 1723 г., согласно которому был составлен Регламент мануфактур-коллегии [Регламент Мануфактур-коллегии от 03.12.1723 г.: извлечение из книги «Законодательство Петра I. 1696–1725 годы» / сост., автор предисл. и вст. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014 // Справ.-правовая система «Гарант»], разрешавшей учреждать фабрики, что, однако, не должно было вредить ранее созданным фабрикам и рыночной ситуации в целом. А. Н. Голомолзин усматривает в этом прообраз современного механизма контроля крупных сделок слияний и приобретений, целью которого является недопущение ограничения конкуренции, в том числе вследствие возникновения или усиления доминирующего положения компаний на соответствующих товарных рынках [\[2, с. 15\]](#). Позднее происходит активное развитие законодательства, направленного на пресечение монополистических тенденций в торговле, уточнение функций контролирующих органов, регламентацию административного и полицейского порядка рассмотрения дел. Принятый в 1782 г. Указ Сената, утверждающий Устав благочиния или Полицейский, также содержал положение о квалификации перекупов – спекулятивных монополистических действий – в качестве уголовных преступлений [\[1, с. 35-42\]](#).

XIX в. характеризуется прогрессивными изменениями в российском законодательстве, связанными с его кодификацией и появлением Свода законов 1832 г. Содержащийся в нем Устав об обеспечении народного продовольствия определял различные антимонопольные механизмы, включая порядок проведения торгов, установление запретов на сговоры, которые могли бы привести к повышению цен, возложение контрольных функций на местных полицейских чиновников и их подотчетность губернскому начальству [Свод законов Российской Империи: в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балконов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Рус. кн. тов. «Деятель». Кн. 5. Т. 13-14. С. 1-80 // URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/220/1.html> (дата обращения : 12.12.2023)].

Примечательно, что запрет на сговор между торговцами или промышленниками с целью повышения или понижения цен, закрепленный в ст. 121 отд. 2 «Об учреждении торжков и устройстве рынков», существовал с 1785 г. и неоднократно изменялся.

В конце XIX – начале XX в. противодействие недобросовестной конкуренции, к которой в то время относили не только ее известные формы, связанные с нарушением правил конкуренции и направленные против добросовестных конкурентов, но и злоупотребление доминирующим положением, а также антиконкурентные соглашения [\[3, с. 130\]](#), являлось одним из важных экономических вопросов [\[4, с. 48\]](#). В период 1890-1929-е гг. произошло резкое усиление концентрации производства, акционерная форма собственности, выразившаяся в доминировании отраслевых семейных корпораций в виде картелей и трестов, стала лидирующей [\[5, с. 12\]](#). Одновременно выявились проблемы сдерживания как самой конкуренции, которая в отраслях промышленного производства и сбыта признавалась опасной и непривычной [\[6, с. 163\]](#), так и ее недобросовестных проявлений, поэтому правовые основы сдерживания стали волновать многих ученых того времени.

Уголовная политика в сфере охраны конкуренции, как и антимонопольная политика, в это время была развита слабо. До второй половины XIX в. в России преобладали публично-правовые и гражданско-правовые механизмы противодействия монополиям. Бурное развитие промышленности, увеличение экономической концентрации, экономические кризисы, породившие картельное движение, потребовали пересмотра со стороны правительства существующих правовых мер, целью которых стало сдерживание картелей [\[1, с. 56-57\]](#).

Не лучшим образом складывалась ситуация с применением правовых мер защиты от недобросовестной конкуренции, в борьбе с которой экономические средства [\[7\]](#), как и гражданско-правовые [\[8, с. 206\]](#), оказались бесполезными. В связи с недостаточностью законодательства и правоприменения в противодействии недобросовестной конкуренции ученые того времени пытались ответить на многие вопросы с позиции зарубежного опыта. Эти исследования приводили их к выводам о необходимости использовать уголовно-правовые средства, которые уже тогда содержали источники русского уголовного права.

Впервые описание целого ряда составов преступлений против конкуренции, включая ее недобросовестные формы, было предусмотрено Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4]. IV. 898. XVII с.]. Хотя эти преступления не образовывали признанную в науке того времени систему преступлений против конкуренции, учеными высказывались мнения о том, что привлечение к ответственности за недобросовестную конкуренцию по статьям Уложения может оказывать ей противодействие. Например, к таким статьям были отнесены ст. 1535–1537, предусматривавшие ответственность за клевету и оскорбление, ст. 1360, устанавливавшая запрет именоваться мастером или вообще заниматься ремеслом, не имея на то установленного права, ст. 1416 и 1418, наказывавшие за присвоение себе знаков отличия, чинов, звания и фамилии, ст. 1187 и 1355, которыми предусматривалась ответственность за нанесение ущерба кредитору путем раскрытия коммерческой тайны или вредных разглашений, а также за разглашение секретов производства [\[8, с. 207\]](#). Современные авторы в Уложении 1845 г. усматривают описание однородной группы преступлений, посягающих на добросовестную конкуренцию [\[9, с. 264-265; 10, с. 21-26; Корниенко В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке :](#)

[автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 30-31; 11, с.49-52; 12, с. 40-43; 13, с. 106-110; 14, с. 46-48; 15, с. 15-16\]](#). В эту группу ими включаются преступления, содержащиеся в разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» в гл. 2 «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», отд. 2 «О противозаконных действиях для перекупа и непомерного возвышения или понижения цен на жизненные припасы» ст. 913 (ст. 1130) – стачка (сговор) торгующих о повышении цен на предметы продовольствия; в гл. 13 «О нарушении торговых уставов», отд. 6 «О нарушении уставов торговых учреждений» ст. 1180 (1615) – стачка о повышении или снижении цены на необходимые товары, ст. 1181 (1619) – склонение к стачке об участии или неучастии в торгах; в гл. 14 «О нарушениях уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», отд. 1 «О нарушении уставов фабричной и заводской промышленности» ст. 1353-1357 (1788-1790) – нарушения прав на изобретения, чужие клейма и знаки, нарушение знака охраны, посягательства на коммерческую тайну незаконное использование чужих рисунков или моделей [\[16\]](#).

Характеристика противоправного поведения, акты которого включены в основную группу преступлений, позволяет говорить о наличии их общих элементов, к которым в первую очередь относилось их воздействие на экономическую сферу, характеризующуюся добросовестными конкурентными отношениями, хотя сама конкуренция как объект охраны не предусматривалась ни в одном из перечисленных составов. Более того, ученые того времени требовали правовых ограничений ее чрезмерной свободы, так как конкуренты, используя ее, чаще стали «прибегать к приемам, задевающим интересы не только частных лиц, но подчас и публичных, в конце концов губительно отражаясь даже на самой промышленности и торговле» [\[8, с. 205\]](#). Безусловно, в данном случае речь идет не об ограничении свободы конкуренции как таковой, а о пресечении ее недобросовестных проявлений, которые, к слову, рекомендовано было отграничивать от неудобной или недозволенной конкуренции [\[3, с. 114\]](#).

Суждения об объекте указанных преступлений, как и в современной науке, переплетались с понятиями частного и публичного интереса, их имущественного и нематериального содержания. Так, Л. С. Белогриц-Котляровский предлагал причислить стачки (соглашения) торговцев или промышленников с целью повышения цен на предметы первой необходимости или понижения цен, результатом которых было ограничение или прекращение их поставки и реализации (ст. 1180 Уложения), к числу имущественных преступлений и объяснял это тем, что указанные деяния «угрожают опасностью не одному только личному интересу потерпевшего, но и интересам всего общежития, правильному течению экономического оборота ... подрывая самые его основы, его коренные устои» [\[17, с. 77\]](#). Н. А. Неклюдов, комментируя ст. 1354 «Подделка заводских клейм и знаков» Уложения, относил ее к группе преступлений против общественного строя [\[18, с. 5\]](#): «Цель 1354 статьи – оградить промышленников от противозаконной конкуренции» [\[18, с. 530\]](#). А. И. Каминка указывал на то, что отдельные приемы недобросовестной конкуренции наносят существенный вред правам потребителей, не затрагивая при этом интересы конкурентов [\[19, с. 228\]](#).

Большое значение для понимания объекта имел зарубежный опыт, вызывавший повышенный интерес у русских ученых того времени. Так, Ф. Лист при изложении различных аспектов уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию отмечал, что в защите здесь нуждаются как имущественные права добросовестных конкурентов, так и неимущественные права, связанные с именем, репутацией, опытом,

которые «должны служить в качестве создания индивидуальности, объектом индивидуального права, равноценного с авторскими правами» [20, с. 126-133]. «Индивидуальное право промышленника» называлось в качестве объекта недобросовестной конкуренции и такими немецкими юристами, как Гарейс, Колер, Гирке [3, с. 135].

В уголовно-правовой литературе того времени имеется описание признаков указанных преступлений, анализ которых также приводит к выводу, подтверждающему конкурентно-добросовестную природу охраняемых посредством их применения отношений. Так, Н. А. Неклюдов [21, с. 429-431], описывая признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 913 и 1180, которыми уголовная ответственность установлена, говоря современным языком, за антиконкурентные соглашения, указывал на ряд важных характеристик, являющихся актуальными и для современного правоприменения. Во-первых, ученый обратил внимание на то, что в условиях конкуренции только в сговоре снижение или увеличение цен имеет общественную опасность. Во-вторых, им выделилось общее правило в вопросе о количестве участников сговора, при котором сговор может быть признан преступным, характеризующее количественный и качественный аспект состава участников: 1) число торговцев данной местности должно быть настолько значительным, чтобы имела возможность подавить конкуренцию меньшинства, или 2) число участников сговора хотя и незначительное, но в их руках сосредоточены оптовая продажа или производство, что позволяет им сдерживать конкуренцию со стороны других представителей торговли или производства. Субъектом преступления могут быть только торговцы и промышленники, как это закреплено в статьях. Примечательно, что ученый указывал на невозможность привлечения иных лиц ни в качестве самостоятельных субъектов преступления, ни в качестве соучастников. Данное замечание актуально и для современного состояния уголовного права, характеризующегося тенденциями более широкого понимания субъектного состава преступления, предусмотренного, в частности, ст. 178 УК РФ, установившей уголовную ответственность за картель, участниками которого, согласно Федеральному закону «О защите конкуренции», могут быть только хозяйствующие субъекты.

Актуальны также комментарии относительно формы сговора: любая форма сговора означает его преступность, а также исключение таковой в отношении подражания или следования примеру друг друга (современные согласованные действия).

Указанные статьи Уложения предусматривали уголовную ответственность как за формальные действия, то есть стачку саму по себе, так и такие действия участников сговора, которые имели вредные для общества последствия в виде недостатков товаров первой необходимости и нарушения вследствие этого общественного спокойствия.

Законодатель четко разграничивал стачки (сговоры хозяйствующих субъектов) и действия, направленные на устранение конкуренции на торгах, к которому относилось преступление, предусмотренное ст. 1181 Уложения, – склонение одних участников торгов к неучастию в публичных торгах других. Данное деяние также преследует цель избежать конкуренции. Как указывал Н. А. Неклюдов, сговор на торгах направлен прямо против интересов собственника, парализует конкуренцию и удешевляет покупную цену имущества [22, с. 670].

Наибольшую общественную опасность, на взгляд законодателя конца XIX в., представляли стачки (ст. 913 и 1180), подделка чужих клейм и знаков (ст. 1354) и разглашение коммерческой тайны (ст. 1355), их совершение влекло наиболее строгое

наказание. Уголовная ответственность за стачки дифференцировалась. Так, за основной состав преступления, предусмотренного ст. 1180 Уложения, виновных зачинщиков преступления подвергали заключению в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев. Иные лица, только принимавшие участие в такой стачке, в зависимости от степени участия, могли быть приговорены к аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев или к денежному взысканию на сумму не свыше 200 рублей. При наличии признаков квалифицированного состава, выразившегося в возникновении действительного недостатка в товарах первой необходимости и, как следствие этого, нарушении общественного спокойствия, зачинщики приговаривались к лишению некоторых прав и привилегий (ст. 50 Уложения, определяя сословную категорию виновных, перечисляет виды прав и привилегий, которых они лишаются) и к заключению в тюрьму на срок от 1 года и 4 месяцев до 2 лет, иные соучастники преступления – к заключению в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев. Примечательно, что сговор на торгах наказывался только денежным взысканием до 500 рублей.

Уложение предусматривало ответственность за нарушения на торгах со стороны должностных лиц: такие деяния были отнесены не к преступлениям, а к проступкам, согласно отд. 6 «О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи» гл. 11 «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особым родам службы» Уложения. Интерес представляют основания такой уголовной ответственности в связи с тем, что вопрос уголовной ответственности должностных лиц за нарушения на торгах вновь является актуальным для современной России. В частности, к таким деяниям были отнесены: допущение к торгам лиц, чьи товары или деятельность не обладают необходимым качеством (ст. 491); сговор (стачка) должностного лица, осуществляющего проведение торгов, с некоторыми их участниками для недопущения других, «а равно продажа без торга чего-либо из назначенного в продажу с аукциона и за всякое потворство одним покупателям к убытку других» (ст. 498); несообщение должностным лицом, осуществляющим проведение торгов, о сговоре (стачке), «имеющего целью убыток для казны или частного лица», о чем ему было известно, начальству (ст. 499). Деяния влекли наказания, не связанные с лишением свободы, в виде строгого выговора, отрешения от должности или исключения из службы. Деяние, предусмотренное ст. 499, наказывалось более сурово: помимо отрешения от должности или исключения из службы, согласно ст. 528 Уложения, виновное лицо подвергалось заключению в тюрьму на срок от 2 до 4 месяцев или аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев.

Подделка чужих клейм и знаков наказывалась лишением всех прав и привилегий и ссылкой в отдаленные губернии (кроме сибирских) или заключением в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев. Разглашение коммерческой тайны влекло заключение в тюрьму на тот же срок.

Уголовная ответственность за использование в хозяйственной деятельности объектов авторских прав Уложением не предусматривалась: ст. 1683–1685 отд. 3 «О присвоении ученой и художественной ценности» гл. 4 «О присвоении и утайке чужой собственности» Уложения содержали составы преступлений, чья объективная сторона представляла собой плагиат (ст. 1683), присвоение и использование чужих исключительных прав на произведения (ст. 1684) и использование заимствований свыше допустимого законом (ст. 1685).

Следует отметить еще одно преступление, образующее форму недобросовестной конкуренции на бирже и предусмотренное гл. 13 отд. 6 «О нарушении уставов торговых

учреждений», ч. 1 «О нарушении уставов о бирже» статьей 1277, которая предусматривает ответственность за распространение на бирже вредных для хода коммерции, заведомо ложных известий. Представляется, что данный состав стоит также выделять как преступление, совершаемое против добросовестных конкурентных отношений, так как умышленное распространение заведомо ложной информации способно крайне негативно отразиться на положении хозяйствующих субъектов-конкурентов, оказывая влияние на цены, а значит, и на доход от участия в биржевой торговле. В современном УК РФ имеется аналогичный состав преступления, закрепленный в ст. 1853 «Манипулирование рынком», который все чаще исследователи стали признавать недобросовестной конкуренцией.

В Уголовном уложении 1903 г., который А. И. Каминка оценивал как более строгий правовой акт в отношении картелей ^[23], нормы в борьбе с картелями и недобросовестной конкуренцией были пересмотрены. Например, согласно ст. 242 гл. 11 «О нарушениях постановлений, ограждающих народное благосостояние» каралось заключением в тюрьму на срок не менее 3 месяцев торговца или промышленника, виновного в чрезмерном поднятии цен на предметы продовольствия или иные предметы необходимой потребности по соглашению с другими торговцами этими предметами или промышленниками, если при этом виновный воспользовался крайней нуждой местного населения в таких предметах [Уголовное уложение 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 16 апреля 1903 г. № 88. Отдел первый // URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf (дата обращения : 15.12.2023)]. С проявлениями недобросовестной конкуренции предполагалось противодействовать посредством установления ответственности за использование в промышленности или торговле товарных знаков, сходных с товарными знаками, принадлежащим другим промышленникам или торговцам (ст. 356; наказывалось заключением в тюрьму до 6 месяцев с уничтожением товарных знаков), использование в промышленности или торговле товарных знаков с запрещенными надписями или изображениями (357; наказание в виде штрафа до 200 руб. с уничтожением товарных знаков), использование в хозяйственной деятельности без разрешения знака, принадлежащего законно учрежденному обществу (ст. 359; наказание в виде ареста до 3 месяцев или штрафа до 300 руб.), разглашение заведомо ложного обстоятельства, подрывающего доверие к промышленной или торговой деятельности лица, общества или учреждения или к способности лица исполнять обязанности его звания или занятия (ст. 540; наказание в виде ареста или штрафа до 500 руб.), разглашение секретов производства (ст. 543; наказание в виде ареста и штрафа до 500 руб., если деяние имело цель причинить ущерб предприятию или имущественную выгоду для виновного – заключение в тюрьму на срок до 6 месяцев), разглашение банковской, акционерной тайны (ст. 544; санкция аналогична санкции ст. 543), разглашение коммерческой тайны (ст. 545; наказание в виде заключения в тюрьму на срок до 6 месяцев). Примечательно, что описания субъективных признаков трех последних составов преступлений включали специальный субъект для каждого из них, в качестве которых выступали рабочий и служащий, которым секрет производства был вверен (ст. 543), служащие банковских, акционерных и кредитных учреждений (ст. 544), лица, состоящие на службе в торговом предприятии (ст. 545).

Нарушение прав на произведения и изобретения влекло уголовную ответственность, согласно ст. 620–622 гл. 35 «О преступных деяниях против прав авторов и привилегий на изобретения» Уголовного уложения. Состав преступления, предусмотренный ст. 622, имел признаки недобросовестной конкуренции, так как был ориентирован на противодействие нарушениям с использованием авторских и патентных прав в сфере

торговле: в качестве его субъекта указан торговец, который ввел в оборот предмет, заведомо изготовленный с нарушением авторских и патентных прав (наказание предполагалось в виде ареста и штрафа до 500 руб.).

Таким образом, в начале становления антимонопольного законодательства сама конкуренция не рассматривалась как объект охраны. В качестве такового ученые того времени называли в основном правомерные интересы добросовестных хозяйствующих субъектов и связанные с ними охраняемые имущественные и неимущественные права, а также права потребителей. Однако необходимо отметить, что указанные права и интересы рассматривались авторами именно через призму конкурентных отношений. Добросовестная конкуренция представлялась ими как необходимое условие соблюдения правопорядка в обществе, одна из основ его экономического уклада. Помимо этого, признаки перечисленных преступлений сформулированы таким образом, что при их анализе явно прослеживается антиконкурентная направленность деяний, несмотря на то, что описание преступлений находились в разных главах уголовного закона.

Между тем анализ законодательства, изменившиеся критерии оценки противоправных деяний свидетельствуют как о существовании ряда проблем в уголовном праве и правоприменении в качестве одного из направлений политики в сфере охраны общественных отношений от монополистических тенденций и недобросовестной конкуренции, так и о попытках государства изменить ситуацию. Особенно остро ситуация сложилась вокруг предпринимательских союзов – картелей. Среди проблем противодействия им основными назывались: 1) негибкость существующих уголовно-правовых запретов, 2) наличие полномочий по расследованию и квалификации предпринимательских объединений у судей и судебных следователей, не обладающих ни специальными знаниями, ни необходимыми средствами для анализа рынка, и, напротив, отсутствие у уполномоченных органов, обладающих перечисленными ресурсами, функций расследования [\[1, с. 68\]](#).

Все это сказывалось на уголовном правоприменении: уголовного преследования за картели в России того времени не существовало [\[19\]](#), что объяснялось отсутствием возможностей следствия и суда разбираться в рыночной конъюнктуре и деятельности предпринимательских объединений, неспособностью правильно их квалифицировать с точки зрения как гражданского, так и уголовного закона [\[1, с. 66-67\]](#).

Для решения указанных вопросов, в целях формирования новой системы антимонопольного регулирования в стране был подготовлен ряд мер. Одним из первоочередных направлений стало усовершенствование механизмов уголовной ответственности за монополистические действия и использование судами гражданско-правовых механизмов в отношении картелей. Акцент именно на указанные аспекты сделан в связи с существовавшим в стране в целом неоднозначным отношением к картелям: несмотря на имеющиеся в Уложении 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных ст. 913 и 1180, запрещающие стачки (сговор) между торговцами и промышленниками, российское правительство демонстрировало свою лояльность к картелям [\[19\]](#), а в судебной практике имелись решения, которые принимались в рамках гражданско-правовых споров между членами картеля [\[7; 1, с. 62-63\]](#). Были даже предпосылки появления самостоятельной отрасли права – картельного права, которая включала в себя государственное право, административное право, криминалистику, гражданское право и политическую экономию [\[24\]](#).

В научной среде предпринимались попытки дать гражданско-правовое понятие картеля,

изучить структуру картелей. В то же время русские ученые признавали и действующий уголовно-правовой запрет на сговоры (стачки), содержащийся в ст. 913 (1180) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., который мог быть применен и к синдикатам. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал: «Если договор подходит под ст. 1180 Уложения о наказаниях, он недействителен и с гражданской стороны. Вторая из приведенных статей признает недействительность договора, если побудительная причина к заключению его есть достижение цели, законом запрещенной. Современный «общественный порядок» построен на начале свободной конкуренции, а потому попытка устранить ее может быть рассматриваема как посягательство на этот общественный порядок. Но тот же «общественный порядок» имеет в основе своей свободу договора, и потому всякое соглашение, поскольку оно прямо законом не преграждено, должно быть рассматриваемо как согласное с установленным общественным порядком. Если синдикат имеет в виду обогатить нескольких предпринимателей за счет массы потребителей, то это можно признать не соответствующим «благочинию». Но если синдикат ставит своею задачею предупредить расстройство известной отрасли промышленности, которой угрожает экономическая анархия, то цель его не противна «благочинию» [\[7\]](#).

В целях разрешения указанных противоречий в 1914–1916 гг. был разработан ряд поправок в действующее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которыми: 1) предполагалось увеличение круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 1180 «сговор о повышении цен на товары первой необходимости» (к ним предлагалось относить не только членов картеля, но и членов его правления, поверенных и других прикосновенных к картелю лиц); 2) вводилась уголовная ответственность за отказ предоставить контролирующему органу документы или сведения о деятельности предпринимательского объединения (ст. 1197(4)), а также за индивидуальные действия торговца или промышленника, направленные на необоснованное повышение цен (ст. 913(1) и 1180(1)), за создание искусственного дефицита товара (ст. 1180(2)); 3) ужесточалась уголовная ответственность за монополистическую деятельность увеличением санкций [\[1, с. 70-75\]](#). Гражданско-правовая оценка картелей теперь заключалась в применении к ним института недействительности сделок как противоречащих запретам уголовного закона, что влекло отказ в их нотариальном удостоверении [\[1, с. 76-77\]](#).

Были предусмотрены и иные меры, направленные на улучшение работы уполномоченных органов государства в сфере противодействия картелям. Отчасти приспособлением ранее существовавших механизмов под цели антимонопольного контроля стал контроль за слиянием хозяйственных обществ, созданием профессиональных обществ, предоставление государством ресурсов хозяйствующим субъектам. В качестве важного элемента антимонопольного контроля следует назвать государственную регистрацию предпринимательских объединений, находившуюся в ведении Министерства торговли и промышленности. Кроме того, Министерство торговли и промышленности наделялось полномочиями по проведению предварительного расследования и принятию основного решения о характере деятельности предпринимательских объединений, а также предприятий-монополистов и необходимости возбуждения уголовного дела в отношении руководителей и участников такого объединения [\[1, с. 89-90\]](#).

Таким образом, в XIX в. в России стала зарождаться концепция охраны и поддержки конкуренции, появилась система относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, которые выделялись среди других преступлений в сфере экономической деятельности своей антиконкурентной

направленностью. Последующие в начале XX в. изменения, нацеленные на более четкую регламентацию видов преступлений, связанных с ограничением конкуренции, решение уголовно-процессуальных проблем расследования таких преступлений, особенно по фактам картелей, наделение соответствующими функциями органов государственной власти, уточнение критериев антимонопольной политики в целом свидетельствуют о восприятии государством высокой степени общественной опасности этих деяний, необходимости противодействовать им и укреплении основ такого противодействия.

После революции 1917 г. принятые новым государством нормативные правовые акты предусматривали уголовную ответственность за преступления, имевшие некоторое сходство с современной монополистической деятельностью. Так, Декретом СНК об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и обмене от 15 июля 1921 г. была установлена уголовная ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки между торговцами или путем злостного невыпуска товара на рынок [25, с. 100]. В целом, несмотря на смену политико-экономических основ государства, когда конкуренция перестала быть важным элементом экономики страны, отдельные заложенные ранее критерии ее охраны, сохранялись некоторое время. В правовой литературе первых лет советской власти поднимался вопрос о важности противодействия тем проявлениям недобросовестной конкуренции, которые, несмотря ни на что, оставались в экономике, признавалась актуальность существующих уголовно-правовых положений, которые могли защитить «публичные интересы от явно недобросовестных действий торгующих» [26].

Первый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в действие с 1 июня 1922 г., содержал гл. IV «Преступления хозяйственные», ст. 137 которой предусматривала уголовную ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок [Уголовный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 01.06.1922 г. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения : 16.12.2023)]. Деяние каралось лишением свободы на срок не ниже шести месяцев и конфискацией части имущества с запрещением права торговли. Политика создания государственных монополий привела к появлению в Уголовном кодексе ст. 136, установившей уголовную ответственность за нарушение положений, регулирующих проведение их в жизнь. Таким образом под охрану были поставлены публичные интересы, связанные с централизованным государственным управлением. В первом Уголовном кодексе Советского государства было уделено внимание и недобросовестной конкуренции, которая как явление не могла быть полностью исключена, о чем свидетельствует наличие в гл. 6 «Имущественные преступления» ст. 199. В соответствии с этой статьей преследовалось самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием. Деяние наказывалось принудительными работами на срок до 1 года или штрафом в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Существовавшие в УК РСФСР 1922 г. запреты на клевету и оскорбление (ст. 172–175) не имели того же характера, что существовавшие в ст. 540 в Уложении 1903 г., так как были направлены исключительно на защиту прав личности и не могли быть применены к защите юридических лиц при недобросовестной конкуренции. Такой подход к уголовно-правовой защите от клеветы и оскорбления оставался и в последующих уголовных законах и сохраняется в современном УК РФ.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 22 ноября 1926 г. [Уголовный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 22.11.1926 г. (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.01.1956 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения : 16.12.2023)], в целом продолжил основные тенденции в сфере уголовно-правовой защиты государственной монополии и противодействия недобросовестной конкуренции. Так, ст. 107 содержала почти идентичный ст. 137 УК РСФСР 1922 г. состав, но помещен он был в гл. II «Преступления против порядка управления», что свидетельствует о смещении акцентов в уголовно-правовой охране: соблюдение установленного порядка в регулировании цен напрямую затрагивало общегосударственные интересы. Статья предусматривала ответственность за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок, наказание за его совершение было предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 1 года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев наказывались лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества. В 1932 г. редакция статьи была существенно изменена, объективная сторона стала выражаться в скупке и перепродаже частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления, которые наказывались лишением свободы на срок не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества.

Статья 178 гл. 7 «Имущественные преступления» содержала описание признаков уголовно наказуемой недобросовестной конкуренции: самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием. Деяние влекло наказание в виде принудительных работ на срок до 6 месяцев или штраф до 3 тысяч рублей. В дальнейшем изменения коснулись лишь вида наказания: принудительные работы были заменены на исправительно-трудовые.

Обращает внимание отсутствие в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. уголовной ответственности за посягательства на коммерческую тайну: «институт коммерческой тайны попросту канул в лету, как пережиток буржуазного прошлого, став для заново строящейся экономической системы абсолютно неактуальным» [Жигалов А. Ф. Коммерческая и банковская тайна в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2000. С. 16].

Уголовный кодекс РСФСР, принятый Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. [Уголовный кодекс РСФСР: закон от 27.10.1960 г. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения : 16.12.2023)], не предусматривал ответственность ни за монополистические действия, ни за недобросовестную конкуренцию. Существенные изменения УК РСФСР стали происходить с переходом страны к рыночной экономике. Отношение к государственному монополизму изменилось на противоположное, в стране начались процессы разгосударствления и приватизации. Соответственно формирование многоукладной смешанной экономики, её децентрализация, освобождение государства от функций прямого хозяйственного управления стали основными задачами государственной политики этого времени. В 1991 г., с принятием первого в России специального антимонопольного акта – Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции 1991 г.), в стране была установлена уголовная ответственность за нарушение его норм. Изначально она предусматривалась ст. 24 Закона о конкуренции 1991 г. и касалась должностных лиц органов власти и управления

и хозяйствующих субъектов, виновных в неоднократном уклонении от исполнения или несвоевременном исполнении предписаний антимонопольного органа, а также в неоднократном предоставлении заведомо недостоверных (ложных) сведений, необходимых антимонопольному органу для осуществления его деятельности. Соответствующие изменения в 1992 г. были внесены в гл. VII «Должностные преступления» УК РСФСР включением в ее содержание ст. 1751 «Нарушение антимонопольного законодательства». Согласно указанной статье, уголовная ответственность наступала за неисполнение в срок должностным лицом органа власти, управления или хозяйствующего субъекта законных предписаний антимонопольного органа, если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия.

Далее Законом РФ от 1 июля 1993 г. в гл. VI «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса РСФСР была введена ст. 1543 «Незаконное повышение или поддержание цен». Уголовная ответственность предусматривалась за незаконное повышение или поддержание цен, совершенное в результате монополистической деятельности путем создания препятствий доступу на рынок другим хозяйствующим субъектам, либо изъятия товаров из обращения, либо сдерживания их от реализации, либо другого устранения от потребителей (ч. 1). Квалифицирующим признаком являлось совершение этих же действий по предварительному сговору между гражданами-предпринимателями, а равно должностными лицами хозяйствующих субъектов или органов представительной и исполнительной власти (ч. 2). Незаконное повышение или поддержание цен путем насилия или угрозы его применения квалифицировалось по ч. 3 указанной статьи. Часть 4 предусматривала ответственность за преступления, предусмотренные ч. 1 и 3, совершенные организованной группой или лицом, ранее судимым за данные преступления. Это первый состав преступления, в котором содержатся признаки противоправной монополистической деятельности, направленной против конкурентных основ зарождающейся рыночной экономики страны. Анализ деятельности антимонопольных и правоохранительных органов тех лет свидетельствует о том, что ст. 1543 и 1751 УК РСФСР практически не применялись при пресечении нарушений правил конкуренции, что объяснялось как несовершенством законодательства, так и особенностями правоприменительной деятельности соответствующих органов [\[27, с. 55\]](#).

В качестве одной из потенциальных форм недобросовестной конкуренции в то время можно назвать и появившийся в 1993 г. состав преступления, предусмотренный ст. 1565 «Нарушение правил торговли». Признаки объективной стороны данного преступления заключались в нарушении установленного государством порядка реализации товаров, незаконной торговле товарами, свободная реализация которых запрещена или ограничена, продаже товаров, не соответствующих требованиям стандартов, технических условий и образцам (эталонам) по качеству, комплектности и упаковке, или в нарушение санитарных правил, продаже товаров без документов, содержащих сведения об изготовителе, поставщике или продавце, а также без применения контрольно-кассовых машин, совершенные после наложения административного взыскания за такие же правонарушения. Данный состав, а также состав преступления, предусмотренный ст. 156 «Обман потребителей», отражал криминализацию существовавшей тогда в Законе о конкуренции такой формы недобросовестной конкуренции, как введение потребителей в заблуждение относительно характера, способа и места изготовления, потребительских свойств, качества и количества товара или его изготовителей.

Уголовно-правовые нормы о вероятной недобросовестной конкуренции были также закреплены в ст. 155 «Незаконное пользование товарными знаками».

Таким образом, к 1996 г. в УК РСФСР существовала группа преступлений, посягающих на общий объект – добросовестные конкурентные отношения: ст. 1543, 155, 156, а также ст. 1751, чей объект посягательства несколько иной – он шире, так как посягает и на отношения в области властно-распорядительной и управленческой деятельности государства, но также связан с обеспечением добросовестной конкуренции на рынке между хозяйствующими субъектами. Составы преступлений сформулированы как формальные, что означало признанную государством высокую степень их общественной опасности. При этом преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 1543, а также ч. 3 ст. 156 были отнесены, согласно ст. 71 УК РСФСР, к тяжким преступлениям. Важным условием наступления уголовной ответственности по ст. 1751 и 1565 являлась административная преюдиция. Эти же преступления совершались специальным субъектом, указанным в диспозиции уголовно-правовой нормы. Относительно других составов – субъект общий, но исходя из природы объективной стороны данных преступлений им является лицо, осуществляющее деятельность в сфере торговли.

Запреты Закона о конкуренции 1991 г. нашли свое отражение и в УК РФ 1996 г., который предусматривал в гл. 22 ряд составов преступлений, составляющих группу деяний, прямо или косвенно направленных против добросовестной конкуренции. К таковым можно отнести ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 178 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», ст. 180 «Незаконное использование товарного знака», ст. 182 «Заведомо ложная реклама», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну», ст. 200 «Обман потребителей», а также содержащиеся в гл. 17 ст. 129 «Клевета», в гл. 19 ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав», ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав, в гл. 30 ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 286 «Превышение должностных полномочий».

Первоначальная редакция ст. 178, содержащая основной состав рассматриваемой группы преступлений, просуществовавшая с 1996 по 2003 гг., называлась «Монополистические действия и ограничение конкуренции» и предусматривала ответственность за широкий спектр действий, в частности монополистических, совершенных путем установления монопольно высоких или монопольно низких цен, а также ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен. Состав преступления был формальным, а в качестве квалифицирующих признаков назывались неоднократность либо совершение деяний группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2), а также совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2, с применением насилия или с угрозой его применения, а равно с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (ч. 3).

В 2003 г. статья сменила название на «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции». Состав преступления стал материальным, установленная сумма ущерба составила свыше одного миллиона рублей, изменились квалифицирующие признаки: в качестве таковых были названы использование служебного положения и группа лиц по предварительному сговору (ч. 2).

В 2009 г., после принятия и вступления в силу в 2006 г. нового антимонопольного закона – Федерального закона «О защите конкуренции», описание признаков преступления кардинально изменилось, уголовная ответственность наступала за недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения

ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере. Крупный размер ущерба по-прежнему составлял свыше 1 млн руб., сумма дохода в крупном размере была определена в 5 млн рублей. Из перечня квалифицирующих признаков был устранен признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, добавился признак особо крупного ущерба и извлечение дохода в особо крупном размере, размеры которого составляли 3 млн и 25 млн руб. соответственно. Статья пополнилась примечанием, содержащим условия освобождения от уголовной ответственности, к которым были отнесены способствование раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба или перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате действий, предусмотренных данной статьей, отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Предусматривалось в примечании и понятие неоднократности злоупотребления доминирующим положением: она предопределялась привлечением лица к административной ответственности за злоупотребление доминирующим положением более двух раз в течение 3 лет.

В 2015 г. законодатель, в очередной раз изменив название (теперь на «Ограничение конкуренции»), существенно сузил перечень признаков состава этого преступления, установив уголовную ответственность лишь за картель и исключив ее для всех иных форм монополистической деятельности. В частности, признаки преступления составили заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере. При этом повысился размер крупного и особо крупного ущерба – свыше 10 и 30 млн руб. соответственно, а также размер дохода в крупном и особо крупном размере – свыше 50 и 250 млн рублей.

Условия освобождения от уголовной ответственности трансформировались: теперь освобождается от уголовной ответственности лицо, которое первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Такая форма освобождения от ответственности за картель, как и новые редакции статьи начиная с 2009 г., стали следствием реформы государственной антимонопольной политики и отражением мировых тенденций борьбы с картелями.

С течением времени изменения происходили и с редакциями иных статей УК РФ, составы преступлений в которых имеют признаки нарушений антимонопольного законодательства. Так, в отличие от первоначальных признаков обозначенной группы преступлений:

- воспрепятствование законной деятельности стало уголовно наказуемым при распространении противоправного поведения должностного лица на любые виды и формы юридических лиц, что соответствует идее Закона о защите конкуренции понимать под хозяйствующим субъектом лиц, которые реализуют любые формы

предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход; появилось размерное определение крупного ущерба;

- состав незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) пополнился квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками в виде совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой;

- в описании преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, произошло увеличение видов охраняемой тайны за счет включения в их число налоговой тайны; предусмотренные ранее в ч. 2 признаки корыстной или иной личной заинтересованности и крупный ущерб стали квалифицирующими признаками наряду с группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, предусмотренными ч. 3, а в ч. 2 появилось описание преступления, совершенного лицом, которому тайна была доверена или стала известна по службе или работе;

- состав клеветы, после возвращения уголовной ответственности за это деяние, дополняется другими квалифицирующими признаками, из которых лишь предусмотренные ч. 2, то есть клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, а также ч. 3 – клевета, совершенная с использованием своего служебного положения, – могут быть рассмотрены как гипотетические формы недобросовестной конкуренции, совершенные в отношении индивидуальных предпринимателей;

- уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав была дифференцирована по основным признакам преступления: в ч. 1 предусмотрена ответственность за плагиат, в ч. 2 – за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта; оба состава материальные, законодатель в примечании указал на правила определения крупного и особо крупного размера ущерба;

- состав нарушения изобретательских и патентных прав претерпел изменения лишь в отношении квалифицирующих признаков: неоднократность исключена из числа таковых, содержащихся в ч. 2 ст. 147 УК РФ;

- обман потребителей и заведомо ложная реклама декриминализированы.

Таким образом, в истории Российского государства описание преступлений против добросовестной конкуренции было предусмотрено в источниках уголовного права в разные периоды развития страны. Концепция охраны и поддержки конкуренции в России стала зарождаться в XIX в., появилась система относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, которые выделялись среди других преступлений в сфере экономической деятельности своей антиконкурентной направленностью. Более полное описание признаков преступлений против добросовестной конкуренции содержали уголовно-правовые нормы, предусмотренные Уголовным уложением 1903 г. Произошедшие после 1917 г. события остановили начавшийся активно развиваться этап формирования государственной политики в сфере охраны и поддержки конкуренции. С переходом к рыночной экономике и принятием в 1991 г. первого антимонопольного закона страна фактически вернулась к

прежним проблемам 100-летней давности. Потому так важен исторический анализ российского законодательства: принятые ранее решения могут помочь в развитии современного законодательства, в том числе при формулировании уголовно-правовых запретов, правоприменения, уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции в целом.

Библиография

1. Писенко К. А. Развитие антимонопольного права: от механизма противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования: монография. М.: РУДН, 2010. С. – 240 с.
2. Голомолзин А. Н. Исторические уроки защиты и развития конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20). С. 15.
3. Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 7. С. 101–139.
4. Гольденберг В. А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. СПб., 1901. № 6. С. 48.
5. Борисов О. Г. Барьеры на рынках потенциальной конкуренции: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2002. С. 12.
6. Князева И. В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Нац. экономика». М. : Омега-Л, 2006. С. 163.
7. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2 // URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/912.html (дата обращения : 1.12.2023).
8. Федоров А. Ф. Торговое право. Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1911. 910 с.
9. Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях : основные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. С. 264–265.
10. Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 21–26.
11. Бацин И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 49–52.
12. Репин П. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 40–43.
13. Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений : генезис, система, уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2016. С. 106–110.
14. Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 46–48.
15. Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / под ред. В. П. Заварухина. М. : ИПРАН РАН, 2018. С. 15–16.
16. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – 5-е изд., доп. / издано проф. имп. училища правоведения Н. С. Таганцевым. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

17. Тюнин В. И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 77.
18. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права: в 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 4. 590 с.
19. Каминка А. И. Очерки торгового права. Вып. 1 / Каминка А. И.-2-е изд., испр. и доп.-СПб. : Юрид. кн. кл. «Право», 1912. 447 с.
20. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова. 1905. С. 126–133.
21. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. Т. 3. С. 429–431.
22. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. Т. 2 С. 670.
23. Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Петроград : Труд, 1917 // URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18166> (дата обращения : 15.12.2023).
24. Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1 // URL: http://library.brsu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1619.html (дата обращения : 15.12.2023).
25. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. проф. И. Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. С. 100.
26. Иделиович Л. Л. Недобросовестная конкуренция // Вестник советской юстиции. Харьков, 1926. № 7. С. 291 // URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/438/558313/37302?view=1&> (дата обращения : 16.12.2023).
27. Тотьев К. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. 1998. № 5. С. 55.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, становление и развитие уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, исторический, историко-правовой, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обоснована им следующим образом: "Одним из актуальных направлений уголовно-правовой политики России является правотворческая и правоприменительная деятельность государства в сфере охраны добросовестной конкуренции, predeterminedная указами Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», согласно которым элементами национальной и экономической безопасности страны признано противодействие монополистической деятельности и антиконкурентным соглашениям. В связи с тем, что современная

уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны конкуренции возникла не так давно, а именно с формированием в стране рыночной экономики, важное значение представляет ретроспективный анализ процесса ее становления и развития в более ранний период, ибо первые признаки государственной политики в сфере охраны общественных отношений от различного рода злоупотреблений со стороны предпринимателей с целью ограничения конкуренции между собой отмечаются в довольно ранних источниках русского права. Такой исторический экскурс может быть полезным в целях понимания не только возможных уголовно-правовых мер противодействия обозначенным нарушениям антимонопольного законодательства, представляющим угрозу национальной безопасности страны, но и иным посягательствам на конкуренцию, обоснования их криминализации, пенализации, дифференциации ответственности, а также исследования особенностей законодательной техники формулирования уголовно-правовых запретов". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В связи с недостаточностью законодательства и правоприменения в противодействии недобросовестной конкуренции ученые того времени пытались ответить на многие вопросы с позиции зарубежного опыта. Эти исследования приводили их к выводам о необходимости использовать уголовно-правовые средства, которые уже тогда содержали источники русского уголовного права"; "Суждения об объекте указанных преступлений, как и в современной науке, переплетались с понятиями частного и публичного интереса, их имущественного и нематериального содержания"; "Таким образом, в начале становления антимонопольного законодательства сама конкуренция не рассматривалась как объект охраны. В качестве такового ученые того времени называли в основном правомерные интересы добросовестных хозяйствующих субъектов и связанные с ними охраняемые имущественные и неимущественные права, а также права потребителей. Однако необходимо отметить, что указанные права и интересы рассматривались авторами именно через призму конкурентных отношений. Добросовестная конкуренция представлялась ими как необходимое условие соблюдения правопорядка в обществе, одна из основ его экономического уклада. Помимо этого, признаки перечисленных преступлений сформулированы таким образом, что при их анализе явно прослеживается антиконкурентная направленность деяний, несмотря на то, что описание преступлений находилось в разных главах уголовного закона"; "... в XIX в. в России стала зарождаться концепция охраны и поддержки конкуренции, появилась система относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, которые выделялись среди других преступлений в сфере экономической деятельности своей антиконкурентной направленностью. Последующие в начале XX в. изменения, нацеленные на более четкую регламентацию видов преступлений, связанных с ограничением конкуренции, решение уголовно-процессуальных проблем расследования таких преступлений, особенно по фактам картелей, наделение соответствующими функциями органов государственной власти, уточнение критериев антимонопольной политики в целом свидетельствуют о восприятии государством высокой степени общественной опасности этих деяний, необходимости противодействовать им и укреплении основ такого противодействия" и др. Ученым представлена целостная картина эволюции отечественного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа отечественного законодательства и многочисленных научных трудов выявляет особенности эволюции уголовной ответственности за преступления, посягающие на добросовестную конкуренцию. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 27 источниками (диссертационными работами, монографиями, научными статьями, учебниками, учебным пособием, документами). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы многочисленными примерами. Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, в истории Российского государства описание преступлений против добросовестной конкуренции было предусмотрено в источниках уголовного права в разные периоды развития страны. Концепция охраны и поддержки конкуренции в России стала зарождаться в XIX в., появилась система относительно самостоятельных составов преступлений, посягающих на добросовестные конкурентные отношения, которые выделялись среди других преступлений в сфере экономической деятельности своей антиконкурентной направленностью. Более полное описание признаков преступлений против добросовестной конкуренции содержали уголовно-правовые нормы, предусмотренные Уголовным уложением 1903 г. Произшедшие после 1917 г. события остановили начавшийся активно развиваться этап формирования государственной политики в сфере охраны и поддержки конкуренции. С переходом к рыночной экономике и принятием в 1991 г. первого антимонопольного закона страна фактически вернулась к прежним проблемам 100-летней давности. Потому так важен исторический анализ российского законодательства: принятые ранее решения могут помочь в развитии современного законодательства, в том числе при формулировании уголовно-правовых запретов, правоприменения, уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции в целом"), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории отечественного государства и права, предпринимательского права и уголовного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания).